

Валерий ИВАНОВ

A portrait painting of Vasily Tatishchev, a Russian statesman and explorer. He is depicted from the chest up, wearing a large, powdered wig and a dark blue coat over a white cravat. The background is dark and textured.

Первопроходец
Василий Татищев

УДК 93
ББК 63.3

Иванов В. В. Первопроходец Василий Татищев. —
СПб.: Белка, 2012. — 68 с.

ISBN 978-5-905829-01-7

Издательство ООО «Белка».
Подписано в печать 23.02.2012.
Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 3 $\frac{1}{4}$.
Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-905829-01-7

© В. В. Иванов, 2012
© Оформление — ООО «Белка», 2012

**Артему, Максиму, Алёше, Захару — внукам с пожеланием
достойной жизни.**

*Эта небольшая книжечка — итог более чем тридцати-
летней журналистской работы и исторической поисковой дея-
тельности.*

*Это дань любимой науке — истории, а также любимому
герою эпохи Петра Первого, ставшему основателем и символом
родного города Тольятти, Василию Никитичу Татищеву.*

*Это письменное свидетельство признательности и бла-
годарности моим первым учителям жизни — краеведу, Почет-
ному гражданину города Тольятти Александру Михайловичу
Тураеву и профессору истории Тольяттинского университета
Анатолию Эммануиловичу Лившицу.*

*Это память о первом мэре города Тольятти Сергее Федо-
ровиче Жилкине, сделавшем многое для увековечивания памяти
о Татищеве...*

Василий Никитич Татищев
(1686–1750 гг.)

Содержание

Первопроходец	10
Первое поручение царя	13
Рядом с царем.	15
Русский Геродот.	18
В камне и металле	20
Филолог и педагог.	23
Мореплаватель и плотник	26
Ученик чародея	28
Друзья и враги	30
День предпоследний.	32
«Заморские гости» или загадка картины Николая Рериха. . .	38
Калмыцкая стрела.	44
Епифания, Ставрополь, Тольятти.	64
Библиография	67

«Memorialis» (латин.) — памятный список увековечивания человека и его деяний в Истории.

- Служить начал в возрасте семи лет стольником при дворе царицы Прасковьи Федоровны, жены брата Петра Первого Ивана. С 17 лет служил в армии, начинал драгуном, был ранен под Нарвой. Овладел артиллерийской наукой. Рядом с Петром Первым участвовал в Полтавской битве, в которой был дважды ранен. Стал поручиком. Участвовал в Прутском походе, досрочно получил звание капитана. Занимался военной и экономической разведкой. Выполнял дипломатические задания, в том числе личные тайные Петра Первого.

- Провел масштабную реорганизацию Монетного Двора, не допустив дефолта в России. Руководил Уральским краем в ранге уже генерал-поручика. Основал десятки заводов и фабрик, перестроил Пермь, Екатеринбург, создал фабрично-заводские школы. Позже руководил Оренбургской экспедицией и Калмыцкой комиссией, основал города Оренбург и Ставрополь (на Волге, ныне Тольятти). В конце своей карьеры выполнял обязанности губернатора Астраханского края в чине уже тайного советника — третьем по значимости в 14-разрядном Табеле о рангах.

- Более половины своей жизни (тридцать три года до последнего дня) он работал над своим многотомным фундаментальным трудом «Российская история». Пять последних лет находился в ссылке в своем подмосковном имении Болдино. За день до его смерти императрица Елизавета Петровна полностью реабилитировала его, вернула все награды, звание тайного советника и наградила высшим орденом — Святого Александра Невского.

Орден Святого Александра Невского

«Memoriale» (итал.) — архитектурное, скульптурное и другие сооружения и места в честь человека или события.

- Два с половиной века богиня истории Клио не вспоминала этого ярчайшего «птенца Петра». Только в середине XX века были переизданы его исторические, педагогические, географические, философские и другие научные труды. И оказались весьма актуальными, более того, интерес к ним возрос в начале XXI века! Именно в последние десятилетия начался поистине всплеск внимания, признания, чествования Василия Никитича Татищева, особенно в Тольятти, Астрахани, Самаре, городах Урала, Оренбуржья и Подмосковья.

- В 2000 году Правительство Российской Федерации приняло постановление о присвоении самой высокой вершине Уктусских гор на Урале названия «Гора Татищева». Не так давно Планетарный центр США присвоил наименование «Татищев» планете № 4235, открытой сотрудниками Крымской обсерватории.

- Триста лет назад В. Н. Татищев, участвуя в военных и дипломатических походах в водах Балтийского моря, несколько раз курсировал на островах Аландского архипелага, ходил в Стокгольм. В наше время уже более двадцати лет сторожит наши и нейтральные воды Балтики военный корабль радиоразведки «Василий Татищев». В его экипаже традиционно проходят срочную службу молодые тольяттинцы, над кораблем много лет шефствует коллектив завода «КуйбышевАзот».

- В городе Тольятти успешно действуют Волжский Университет имени Татищева, Центральная городская библиотека

имени Татищева, есть бульвар Татищева. Самый величественный памятник Василию Никитичу возведен в Тольятти. Имеются памятники ему в Перми, Екатеринбурге, Оренбурге, Орске, в подмосковном Солнечногорске — родине Татищева.

- В последние годы регулярно проводятся «Татищевские чтения» в Свердловском филиале Русского географического общества, такие же чтения и конференции традиционно проходят в городах Пермь, Тольятти и других.

- Именем В. Н. Татищева названы улицы в Астрахани, Екатеринбурге. Мемориальные доски и бюсты Татищева украшают музеи и административные здания Казани, Саратова, Самары, Астрахани, Тольятти, многих городов Урала.

*Памятник В. Н. Татищеву в городе Тольятти.
Скульптор А. Рукавишников*

Первопроходец

Эпоха первого императора России Петра Первого, или как называли его современники, Петра Великого, ознаменована рождением целой плеяды ярких, сильных политиков и организаторов, верных царю-реформатору, искренне желавших укрепления и расцвета российского государства.

Большинство «птенцов гнезда Петрова» были активно-напористые военные, инженеры и блестящие администраторы. Они остались в истории страны, в памяти народа. Но в основном они были лишь исполнителями царской воли, старательными помощниками, преданными единомышленниками.

А вот В. Н. Татищев постоянно предлагал и реализовывал разнообразные масштабные идеи и проекты. Поражает многогранность его познаний, умений и интересов, масштабность его предвидений. Он фантастически опережал свое время. Очень многое он сделал абсолютно первым в России, первым в мире. И многое сделал в свободное от основной государственной службы, весьма напряженной и ответственной.

Показательным примером является представленный Екатерине I план сооружения водного пути между Белым и Балтийским морями и реками Каспийского бассейна. Только через двести лет (!) были построены Беломоро-Балтийский канал и канал имени Москвы, соединившие пять морей.

Он разработал проект сухопутного тракта из европейской части страны в Сибирь, по этому тракту спустя сто пятьдесят лет построили Транс-Сибирскую магистраль.

Первым сделал научно-практическое «Общее географическое описание Сибири», в то время мало исследованной.

Первым подготовил несколько энциклопедических словарей. Он доказал, что глаголицу (славянскую азбуку) изобрели ещё в конце четвертого века, то есть южные и западные славяне имели свою письменность за пятьсот лет до азбуки Кирилла и Мефодия! Это уже событие общеевропейского масштаба. Только в последние десятилетия научный мир, наконец-то, начал признавать такую письменность в виде «Велесовой книги».

Он первым собрал, классифицировал и перевел со старославянского, древнегреческого и латыни основные летописи XI–XIII веков.

Он первым предложил выращивать хлопок в пойме рек Волги и Ахтубы. Там же, в тридцати верстах, на междуречье он нашел и описал остатки столицы Золотой Орды Сарай-Бату, двадцать лет бывшей ставкой хана Батыея.

Сегодня широкой аудитории известно авторство Татищева первого в мире описания мамонта.

Он первым начал практику создания аптекарских огородов, лично разработал несколько лекарственных рецептов с использованием лекарственных растений средневропейской части России.

Первым организовал профессионально-техническое обучение на государственной основе.

Первым в России ввел десятиричную систему счета (миллиграмм, грамм, килограмм, тонна) при чеканке и штамповке монет.

Первым классифицировал минералы Уральских гор. И именно он назвал эти горы Уральскими (в IV веке Геродот их описывал как Рипейские, а в Руси их называли Каменным поясом).

И так далее, и так далее... Еще во многом он был первым, многими делами прославился.

Он был философом и геометром, политиком и механиком, географом и фармацевтом, педагогом и философом, финансистом и градостроителем. Знал более десяти профессий и наук, одиннадцать языков.

Но в большей степени занимался он любимой Историей. Как и истово, нежно, азартно, «до последнего вздоха» любил Россию.

Первое поручение царя

Историческая миниатюра

...В начале 1704 года в Генеральном дворе села Преображенское проводился набор на службу дворянских недорослей в армию. Из 1400 юношей шестнадцати-двадцати лет фельдмаршал Шереметев признал негодными к военному делу около четырёхсот, остальные выдержали экзамены и были распределены в драгунские (элитные) полки. Среди них были два брата — двадцатилетний Иван и шестнадцатилетний Василий Татищевы. Напутствие отца было лаконичным, в духе старорусской традиции: служи, но не выслуживайся. Кстати, А. С. Пушкин, собирая материалы для повести «Капитанская дочка», использовал воспоминания В. Н. Татищева о прощании с отцом: «Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду».

Юный Василий Татищев был азартно-инициативен. К этому времени он уже прослужил девять лет стольником у царицы Прасковьи, вдовы рано умершего старшего брата Петра Первого Ивана Алексеевича Романова. Петр по-братски любил Прасковью, часто и подолгу бывал в Измайловском, где она жила. Характером Прасковья была похожа на Петра — обучалась иностранным языкам, собирала технические новинки, проводила опыты по разведению экзотических растений, организовала первый в России театр. Царица радушно принимала молодого самодержца, помогала в его частных делах. Не по годам

смышленный Татищев был курьером между Измайловским и Кремлем. А в самом начале 1703 года получил первое серьезное поручение царя — Василия приставили к Печатному Двору.

САНКТЪ ПЕТЕРЗБУРХЪ,

В Ъ Д О М О С Т И.

Полученные Сею Юнкъ въ 18 день, 1711.
Изъ Лагара изъ володской земли,
изъ запискира за мѣлю, 31 дня
мая.

Его Царское Величество изволяѣ
сюда прииши изъ яворова 22 дня,
шогорѣ мая, кошорого дня и

Второго января (по старому стилю) 1703 года был напечатан первый номер русской газеты «Ведомости» гигантским по тем временам тиражом — четыре тысячи экземпляров. Петр собственноручно подбирал материалы, вел корректуру. Татищеву было приказано ожидать завершения печати и развозить газеты в Кремль, в приказы, к наиболее известным вельможам и послам. Еженедельные визиты с доставкой «Ведомостей» сразу расширили знакомства стольника с самыми влиятельными людьми в Москве.

Кстати, сам Татищев вспоминал, что по его инициативе часть тиражей раздавали бесплатно в самых больших трактирах Москвы. А Петр, узнав об этой идее, приказал трактирщикам организовать чтение газеты вслух, а самих чтецов кормить и поить за счет заведения, ибо читать приходилось неоднократно по несколько часов.

«Ведомости» затем печатали и в Петербурге. В 1728 году издание передали Академии наук, и газета стала выходить под названием «Санкт-Петербургские Ведомости», причем уже дважды в неделю и объемом в 8–16 страниц.

Рядом с царем

Историческая миниатюра

Третье столетие парадную лестницу Академии Наук Санкт-Петербурга украшает монументальное мозаичное панно «Полтавская баталия». В создании этого гигантского панно Михаил Васильевич Ломоносов объединил свои знания химии, физики, металлургии, а также мастера-художника.

Смальту (цветные непрозрачные стекла) изобрели еще в Древнем Риме более двух тысяч лет назад, оттуда она пришла в Византию, а затем и в Древнюю Русь. В годы монгольского нашествия искусство мастеров по изготовлению смальты было утрачено. Ломоносов возродил технику смальтовой мозаики, разгадав тайну венецианской смальты, более того, он разработал собственную технику ее изготовления. В мозаичном панно «Полтавская баталия» он использовал один миллион тридцать тысяч кубиков смальты.

В центре панно изображен драматический момент битвы под Полтавой 1709 года, когда Петр Первый возглавил контратаку Новгородского полка. Детально показано, как несколько драгун свиты царя вместе с ним бесстрашно мчатся на врага.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
(А. С. Пушкин «Полтава»)

Плотный ружейный огонь пробил треуголку Петра Первого, вторая пуля согнула его нательный массивный золотой крест, следующая попала в седло под ним, а четвертую пулю принял, закрыв своим телом царя, поручик Василий Татищев. Раненый, он не покинул боя. После победы на традиционном пиру с участием плененных шведских генералов Петр подошел к Василию Татищеву и троекратно расцеловал его. Одним из первых Татищев был награжден специальной медалью за победу под Полтавой.

Через три года судьба вновь свела его с Петром в боях в Прутском походе. После тяжелого поражения от турецких войск царь уволил 14 генералов, 36 полковников и подполковников и 156 капитанов. А вот Татищев, наоборот, был повышен в чине, получив досрочно звание капитана. Военная судьба еще неоднократно сводила его с Петром Первым — в Польше, в Пруссии. Он выполнял сложные и опасные поручения императора, в том числе последнее — в Швеции перед самой смертью Петра.

Через сорок лет после Полтавской битвы М. В. Ломоносов знакомится с оклеветанным и находившимся в ссылке Татищевым. Михаил Васильевич не побоялся подружиться с опальным офицером. Они оба активно переписывались, вели жаркие дискуссии, особенно о месте в истории Петра Первого, о появлении славян, о древних летописях... Именно Ломоносова попросил Василий Никитич подготовить посвящение к его «Истории Российской».

Медаль в честь Полтавской победы

Мозаичное панно «Полтавская баталия». М. В. Ломоносов

Русский Геродот

Историческая миниатюра

Создатель палеонтологии (науки о вымерших животных и растениях) Жорж Кювье (1769–1832 гг.), между прочим, бывший член Санкт-Петербургской Академии наук, высоко оценивал В. Н. Татищева. Француз считал, что его записки о находках мамонтов в Сибири — это блестящий пример научной работы. Впервые эти записки появились в Стокгольме в виде статьи, написанной Татищевым в 1725 году на латыни, а в 1729 — на шведском языке. В 1730 году она была опубликована в Лондонской Академии наук. Это были единственные прижизненные научные публикации Василия Никитича. Фуорор, вызванный детальным описанием мамонтов, был громадным. Статью перевели на многие языки, она стала хрестоматийной.

Научно-литературное наследие В. Татищева поистине колоссальное: биографы насчитали около пятисот научных статей по географии, философии, экономике, педагогике, лексике и, естественно, истории. В XIX и особенно XX веках его избранные труды неоднократно переиздавались, оставаясь актуальными в любое время, даже сегодня. «История Российская» создавалась им более тридцати лет; он успел подготовить четыре тома, планировал еще два-три. Татищев был родоначальником практически всех вспомогательных исторических дисциплин, которые по-настоящему стали разрабатываться лишь со второй половины XIX века. Именно Василий Никитович построил величественное здание

российской истории, не имея предшественников. Его метод анализа источников и вспомогательных разысканий стал по истине гениальным.

Свою работу он начал с личного распоряжения Петра Первого в 1717 году, когда они оба нашли и приобрели в Кенигсберге уникальную копию Радзивилловой летописи. Впоследствии Татищев нашел, собрал и переписал одиннадцать самых известных русских летописей, в том числе уникальные экземпляры Раскольнической и Иоакимовской летописей. Параллельно он собирал важные исторические документы в Приказах, монастырях, в Астраханском, Казанском и Сибирском архивах.

Благодаря его поискам были найдены и изданы «Русская правда» и «Судебник 1550 года». Первый документ составлен в XI веке при Ярославе Мудром. Пятьсот лет Русь руководствовалась им (67 статей). Иван IV (Грозный) дополнил, отредактировал и добавил до ста статей, издав «Судебник 1550 года».

«Отец Истории» грек Геродот написал хроники греко-персидских войн, очерки об Азии, Африке, Скифии, в которых рассказывал не только о царях и войнах, но и давал широкую картину экономики, культуры и философии. На Руси летописцы рассказывали лишь о князьях и войнах. Будучи первым профессиональным историком, Татищев показал широкое полотно жизни Руси с начала появления славян и до 1228 года.

Н. М. Карамзин, возведенный в достоинство историографа Империи, спустя сто лет после Татищева вернулся к услужливому воспеванию Рюриковичей и Романовых, активно поддерживал «норманнскую» легенду. Даже академичный историк Сергей Михайлович Соловьев не смог достичь высот В. Н. Татищева в анализе и объективности, гениальности и прозорливости. Большинство разработанных Татищевым научных гипотез подтверждается уже в XXI веке.

В камне и металле

Историческая миниатюра

Рабочий стол Президента Российской Федерации в Кремлевском кабинете украшает письменный прибор из малахита и отделанная малахитом настольная лампа. В Монетном Дворе экскурсоводы обязательно покажут вам медную штампованную копейку 1727 года. В Алмазном Фонде Кремля находится уникальный десятикаратный розовый бриллиант. В Геологическом музее Екатеринбурга поражает многометровая карта России, выложенная драгоценными и полудрагоценными камнями. Перед зданием краеведческого музея подмосковного города Солнечногорска на более чем двухметровой гранитной полированной колонне стоит памятник В. Н. Татищеву скульптора Олега Фашаяна. В этом музее экспонируется горный хрусталь из города Хрустальный, асбест «аммиант» (шелковый камень) из города Асбест, мрамор из города Мраморный — все с Урала. И все эти раритеты связаны с жизнью и удивительно яркими делами Василия Никитича Татищева.

В юности он полюбил минералогию и металловедение. К сорока годам профессионально разобрался в оценке драгоценных и полудрагоценных камней, в деле поисков руды, знал технологию плавки чугуна, стали, меди и особенно — золота и серебра. В Астрахани он накопил и лично переплавил обесценивавшиеся персидские серебряные монеты, нарисовал эскизы, по которым ювелиры изготовили красивый серебряный сервиз. Будучи астраханским губернатором удачно вел торги с индийскими купцами, скупая для казны жемчуга и алмазы, в

том числе искусно отшлифованные бриллианты. Тогда-то Татищев и приобрел редкостный десятикаратный розовый бриллиант для императрицы Елизаветы Петровны — дочери Петра Первого.

В начале 1727 года ему поручили модернизацию Московского Монетного Двора. Империи не хватало денег, был большой процент фальшивых монет, «копейки» чеканили из серебра, что затрудняло их размен. Специально для коренной переделки монетного дела учредили Московскую монетную контору, куда и пригласили Татищева. Он повел работу энергично и масштабно, используя самые лучшие технические новинки. По его проекту на реке Яузе построили каскад плотин, энергия воды стала приводить в движение машины и прессы по штамповке новых, медных, денег — «копеек» и «пятаков». Уже через полгода он отрапортовал о выполнении задания. А к концу года модернизация монетного дела уже дала прибыль в двадцать тысяч рублей! Отлично зная нумизматику и геральдику, Василий Никитич предложил стандартизацию производства медалей и порядка награждения ими.

Будучи на Урале, он организовал несколько экспедиций, в ходе которых были открыты десятки (!) месторождений меди, железа и других металлов, мрамора, гранита, россыпей самоцветов, поделочных камней. Он описал и рассчитал прогнозы разработки безвестной горы, богатой уникальным магнитным железняком. Татищев назвал её «Благодать» в честь тогдашней императрицы Анны Иоанновны («Анна» с греческого — благодать). Это та самая знаменитая Магнитка, которая до сих пор разрабатывается.

Василий Никитич работал на службе по 8–10 часов, после чего ещё 6–8 часов изучал летописи, старинные фолианты, книжные новинки. Иногда, «чтобы отдохнуть», занимался ремеслами — работал на токарном станке, резал и шлифовал

полудрагоценные камни. Особенно любил работать с малахитом, разработал множество вариантов поделок, письменных приборов, шкатулок и ваз из него. Он ввел моду на этот красивый камень. Но малахит достаточно дорогой, поэтому его называют царским, имперским, а ныне — президентским...

Памятник В. Н. Татищеву в городе Перми

Филолог и педагог

Историческая миниатюра

В свое пятидесятилетие (1734г.) В. Н. Татищев написал философско-педагогическую работу «Духовная». Она была опубликована лишь спустя 96 лет, но и в конце XIX века оказалась весьма актуальной. Не случайно в 1896 году её напечатали громадным тиражом специально для Бестужевских курсов и для всех философских, исторических и филологических факультетов университетов Российской империи.

Свой главный вывод в «Духовной» Василий Никитич сформулировал афористично: «Жизнь — Государю, сердце — Даме, честь — никому!». Под «Дамой» он понимал и утверждал в «Духовной» не просто любовь к прекрасному, изящному и чему-то высокому, но трепетное отношение к семье, продолжению рода как продолжению служения Отечеству.

Служба Отечеству начиналась на войне. Он быстро сделал карьеру профессионального военного. Сначала — простой драгун, поручик, а потом и капитан артиллерии, разведчик «под крышей» посольства. Но затем после 16 лет военной службы судьба резко повернулась. Сначала ему доверили руководство уральскими заводами, а потом направили спасать Московскую монетную контору. И где бы ни служил — на Урале, на Волге или в Оренбуржье, Татищев находил время для занятий любимыми науками.

Особенно выделял историю, лексику (науку составления словарей), филологию и педагогику. Кстати, он самостоятельно изучил одиннадцать (!) языков. Прекрасно владел латынью,

древнегреческим и старославянским. Бегло разговаривал и прекрасно писал на английском, хорошо знал шведский, польский, немецкий языки. Понимал и беседовал с калмыками, башкирами, татарами и персами. Подготовил русско-татарско-калмыцкий словарь. На Урале Василий Никитич написал несколько словарей по географии и этнографии. Кстати, название «Уральские горы» ввел именно Татищев, до него этот горный массив русские люди называли «Каменный пояс».

Новое дело, везде где служил, он начинал с открытия школ. Отбирал мальчишек по социальным различиям, интересам и по уровню знаний. Например, детей подъячих, уже знавших грамоту, учил горному делу. Имевших родителей из купцов, разночинцев учил коммерции и математике. Организовал обучение дворянских недорослей иностранным языкам, риторике и истории. В начале XVIII века в России не было классических школ, гимназий, не говоря об университетах. Петр Первый посылал учиться в Европу. А затем начал открывать собственные школы и училища, в основном военные — артиллерийские, штурманские, инженерные...

Татищев — родоначальник фабрично-заводских (ремесленных) училищ в России. Он подготовил для них Положения, программы и специальные инструкции. Придирчиво инспектировал ход обучения, проверял качество питания детей, лично проводил занятия. Уезжая из Екатеринбурга, он подарил городу свою личную библиотеку. Это было большое состояние: одна книга стоила столько, сколько корова.

В конце XIX века в Российской империи уже действовала система цивилизованного просвещения: школа — училище — гимназия — университет. Но и спустя полтора века фабрично-заводские училища действовали по системе, разработанной именно Татищевым. В сороковые годы уже XX века, после Великой Отечественной войны, советская педагогика вспомнила

опыт и практику Василия Никитича. Несколько миллионов мальчишек, особенно оставшихся без родителей, прошли обучение в ремесленных училищах. Позже это поколение дало десятки тысяч блестящих инженеров, специалистов-гуманитариев, ставших гордостью Отечества. Ярким примером этого является первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

*Памятник В.Н.Татищеву и В.И. де Геннину
в городе Екатеринбурге*

Мореплаватель и плотник

Историческая миниатюра

Став Астраханским губернатором, тайный советник В. Н. Татищев с первых дней вынужден был вспомнить свой опыт военного, а главное, разведчика и дипломата. Тогда в соседней Персии (ныне Иран) провозгласил себя шахом кровожадный Надир. Он стремительными походами ограбил Афганистан и Индию, с мечом и огнем прошел по Грузии и Армении, вторгся в Бухару и Хиву, планировал захватить Азербайджан, Дагестан и Астрахань.

Россия в то время вела изнурительные войны с Турцией и Крымским ханством. На побережье Каспия и в Закавказье войск у нас не было.

Василий Никитич энергично мобилизовал в армию казаков Нижней Волги и принявших подданство калмыков. В считанные месяцы он спроектировал и организовал строительство крепости Енотаевск выше Астрахани, чтобы закрыть персидским войскам путь через степи. Организовал разведку на дальних подступах, вплоть до Дагестана и Терека. Вспоминая, как тридцать лет назад вел монтаж пушек в кораблях на Балтике, Татищев переоборудовал десять транспортных гекботов и рыболовецких шхун, вооружил их пушками четырех- и шестифунтового калибра, набрал и обучил экипажи быстрой артиллерийской стрельбе и абордажному бою.

Он анализирует и суммирует тревожную информацию: будет ли воевать Надир-шах? И решает... испугать персов! С помощью знакомых индийских и армянских купцов

передает персидским торговцам, среди которых было немало шпионов, слухи о военных приготовлениях русских. Астраханский губернатор начал осуществлять дипломатические контакты с персами, параллельно организовал помощь кавказским князьям в борьбе с войсками Надир-шаха. В итоге кровожадный завоеватель резко повернул свои походы на турок с целью ограбить Багдад. Астрахань была спасена от нашествия.

За пять лет его губернаторства город расцвел, появились новые торговые ряды, были реконструированы морской и рыбный порты.

Увы, завистники начали писать доносы в Петербург. Итог очернительства — отставка с должности, лишение звания тайного советника, ссылка в родное поместье Болдино.

Но он не сломался, мужественно переносил удары судьбы. Как и Петр Первый, «и мореплаватель и плотник» Татищев до последнего вздоха работал. Причем, не только шлифуя свою «Историю Российскую». Занимался фармацевтикой, лечением, на прием к нему приезжали сотни людей со всех окрестных деревень и сел. На досуге столярничал, на токарном станке точил красивые поделки, в том числе, сделал ножки для своего гроба. Сам выбрал место для могилы на Рождественском погосте у опушки леса.

Двадцать пять лет назад писатель и историк Георгий Блюмин, автор книги «Юность Татищева», заказал и установил гранитную мемориальную плиту: «Здесь в Болдино жил и творил Татищев В. Н. (1686–1750), выдающийся русский ученый-историк, географ, этнограф, экономист, сподвижник Петра I, государственный деятель, основатель городов Свердловска и Перми».

Ученик чародея

Историческая миниатюра

Потомок шотландских королей Яков Вилимович Брюс известен, как создатель новой артиллерии при Петре Первом, как организатор навигацкой школы гардемарин в Москве. Как опытный дипломат он блистательно и с выгодой заключил мир со Швецией в 1721 году, в результате чего закончилась Северная война, которая длилась 21 год, и Россия официально обосновалась на Балтике.

Но главным образом Брюс был известен как... колдун, чернокнижник, алхимик и астролог. Он никогда не имел друзей и учеников. Кроме одного — Татищева. Яков Вилимович познакомился с ним на артиллерийских курсах, которыми он командовал. Сразу выделил его среди курсантов, по-отечески опекал, занимался с ним дополнительно ещё и азами военной разведки, картографией.

Закончив с отличием курсы, Татищев получил звание инженера-поручика. Первым заданием было произвести инспекцию и перевооружение дивизий генералов Репнина и Вейде в Польше. Задание было выполнено быстро и качественно.

Затем начались тайные миссии под видом дипломата и ученого в Пруссию, Саксонию, Данию и даже в воюющую с Россией Швецию. Об этих тайных миссиях его шеф Брюс докладывал лично Петру Первому, а донесения Василия Никитича после прочтения уничтожались. О результативности разведчика Татищева свидетельствуют два ярких примера. Один — из истории Семилетней войны между Пруссией и Россией. Он

смог добыть секретные планы фортификационных крепостей и бастионов Пруссии. Спустя почти сорок лет по этим планам генерал-фельдмаршал Чернышев успешно штурмовал в 1757 году Кенигсберг и в 1760-м — Берлин.

Второй пример — из истории Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), когда гитлеровцы покупали стратегические материалы в нейтральной Швеции. Их транспорты регулярно ходили по шведским секретным фарватерам, разведать которые было практически невозможно. В те годы послом СССР в Стокгольме была Александра Коллонтай. Она блестяще знала биографию и работы Татищева. Вспомнила о деятельности Василия Никитича в Швеции и посоветовала поискать в архивах его рапорты и другие документы. Документы нашли! Оказалось, что ещё в 1725 году Татищев добыл секретные лоции, Табель Стокгольмского порта и его окрестностей. По этим лоциям наши подводники точно рассчитали координаты атак на вражеские корабли.

Портрет Я. В. Брюса

Друзья и враги

Историческая миниатюра

Завистников, доносчиков и откровенных врагов, причём из числа всесильных, у Татищева всегда было много. Среди них сиятельный князь Меншиков, фаворит Анны Иоанновны Бирон, заводчики Демидовы. От первых наветов и клеветы его спас Петр Первый. Тогда «хозяева» Урала Демидовы хотели нагло «приватизировать» построенные Василием Никитичем казенные заводы. После смерти Петра «дело Татищева» вторично рассмотрели, уже в Сенате, и вторично реабилитировали.

Но шлейф доносов, слухов и подозрений возрастал. Да и императрица Анна Иоанновна не могла забыть, что Татищев был одним из главных авторов «Кондиции» — перечня демократических (уже в то время!) условий её вступления на престол. Практически речь шла о... конституционной монархии!

В конце концов, многочисленные доносы привели к новому «делу Татищева». В итоге — отправка в отставку и ссылка в родовое поместье Болдино в Подмоскowie. Спустя пять лет, буквально за два дня до смерти, его окончательно реабилитировали и даже наградили высшим орденом государства — орденом Святого Александра Невского.

Уже при Советской власти вновь появились недоброжелатели. Некто С. Пештич опубликовал сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию, в которой представил В. Н. Татищева кровожадным палачом башкирского народа, антисемитом, вместилищем всяческих пороков. Появились и

другие академические хулители, обвинявшие его в шовинизме и национализме. К сожалению, к этому хору присоединились и современные писатели Олжас Сулейменов и Валентин Пиккуль. В последнее время эстафету ненависти и фальсификации продолжил модный ныне писатель Михаил Веллер. Невозможно без возмущения читать его выдумки о Татищеве: «... после возвращения из Астрахани с должности воеводы, он по доносу был обвинен в лихоимстве, пытан, бит кнутом и сослан в Сибирь на вечное поселение, где и умер в 1750 году».

Первыми голос в защиту памяти Татищева подали академики-историки Н. Карамзин и С. Соловьев. В советское время за честь Василия Никитича вступились ученые Б. Рыбаков и М. Тихомиров и их иностранные коллеги К. Грау (Германия), С. Блан (Франция), Р. Даниэльс (США).

Еще при жизни у Василия Никитича были прекрасные и преданные друзья, особенно в Российской Академии наук, и в первую очередь М. В. Ломоносов, ценившие его многогранные таланты, научные изыскания, активную практическую преобразовательную деятельность во славу Российского государства. В числе его друзей были удивительно яркие передовые люди — руководитель первой школы гардемарин, начальник всей артиллерии при Петре Первом шотландец Яков Брюс, молдавский князь поэт Антиох Кантемир, голландец Виллим Геннин, вместе с Татищевым основавший Екатеринбург, просвещенная калмыцкая княжна Анна Тайшина, известный драматург и поэт Василий Тредиаковский...

День предпоследний

Рассказ

Село Болдино, 13 июля 1750 года... В то утро он встал как всегда еще на рассвете. Но перед крыльцом его дома уже толпились люди — с ближних и дальних деревень и слобод пришли они за лекарствами. О Татищеве ходили легенды — окрестные жители за глаза называли его колдуном и волшебником: за последние пять лет жизни ссыльным в имении предков он развел «аптекарские огороды», сам составлял рецепты, ставил точные диагнозы и вылечил сотни окрестных жителей, особенно малолетних. Василий Никитич вызвал недоросля — внука Ростислава — и сказал, что сегодня принимать больных не будет, а обещанные лекарства раздаст его лекарь. Приказал седлать коней и стал одеваться.

В подернутом патиной и трещинках старом зеркале на него смотрел 64-летний старик. Высокий, сухощавый. Морщинистое, слегка одутловатое лицо с темными мешками под глазами. Несмотря на возраст, на тонкой талии и по-юношески стройной фигуре перетянут слегка пожелтевший от времени и стирок офицерский шарф. Тускло блестела медь на гарде и рукоятке палаша, вдетого в кожаную португепю через плечо. Внук Ростислав вошел в комнату как раз в тот момент, когда дед медленно вытащил из ножен клинок этой прямой драгунской сабли и рассматривал выбитую на прикрывающей руку чашечке гарды надпись — «Тула, 1704 год»...

Весной того года восемнадцатилетний Васенька Татищев прошел жесткий отбор в подмосковном Преображенском

(каждый четвертый дворянский недоросль был признан непригодным к конной службе) и был зачислен рядовым драгуном. А уже в августе под Нарвой получил первое боевое крещение и раны в бешеной рубке со шведскими рейтарами. Проскакавший рядом будущий князь Меншиков — знакомы были с младых ногтей — вернулся, снял свой белоснежный шелковый офицерский шарф, кинул Татищеву и, крикнув: «Молодец! Офицером будешь!», ускакал опять в гущу боя. Опоясанный именно этим шарфом, мчался галопом, стремя в стремя с Петром Первым, поручик Татищев в атаку под Полтавой. И вновь был ранен.

Василий Никитич задвинул клинок в ножны, взял в руки шляпу и пошел на выход. С высоты крыльца увидел расходившихся со двора страждущих пациентов. Все тут же обернулись и начали ломать шапки в поклонах. У боковой стены дома дремал караул — двое солдат и сержант. Последний тут же, поправив форму, резво подбежал к крыльцу и попытался что-то сказать. Татищев перебил его взмахом руки и молвил: «Что, ссыльному и в опале нельзя быть при оружии? Меня никто офицерского и уж дворянского звания не лишал! Напомню: мы, Татищевы, в двадцать восьмом колене Рюриковичи — основатели Руси!» Уже тише, но сержант-то услышал, добавил: «Не в пример Романовым...» Про себя усмехнулся: завтра-послезавтра рапорт об этих словах пойдет в Санкт-Петербург, к императрице Елизавете Петровне, дочери Петра Великого. Но это завтра-послезавтра. Его, Татищева, уже не будет...

Скакали небыстро, июньская дорожная пыль не клубилась, и сопровождавшим сзади караульным были четко видны две прямые спины юного и старого Татищевых. Проехали мимо старенькой, покосившейся церквушки, оттуда, подняв подол рясы, вышел и засеменял к кладбищу молодой батюшка. Вот и родовое кладбище. Три мужика сидели в тени под кустами пышно цветущей сирени.

Василий Никитич одним взглядом выбрал старшего — старого петровского солдата, тот набивал табачком короткую трубку. Достал кошелек, высыпал на ладонь монеты. Отобрал серебряный рубль. Кинул старому солдату и кивнул: «Копайте здесь. Постарайтесь...» Отставник разгладил усы, подмигнул, обратился по-армейски: «Господин генерал-майор, добавьте пару пятаков на водку...» Опальный тайный советник Татищев (а по-военному действительно генерал-майор) улыбнулся, но два больших медных пятака не дал, выбрал двадцатипятикопеечную монету и протянул просившему со словами: «У этих пятаков судьба другая...»

Пятаки отдал запыхавшемуся от бега молодому батюшке. Тот удивленно посмотрел на него. «Завтра к вечеру приезжай, отец, исповедуешь и причастишь. Ну... а к утру и очи мои закроешь этими монетами...» Лицо священника вмиг посерело, он затряс головой, и жиденькая косица волос затрепыхалась на его спине. Татищев, кивнув всем на прощание, пошел к лошадям, лишь на миг задержался у ряда отеческих могил — тут лежало два поколения его рода, который перебрался в Подмоскowie из-под Пскова более ста лет назад. Будет лежать и его прах здесь. Что ж, место неплохое, на взгорке, сухое. Не то что у светлейшего князя Меншикова в тундре у села Березова. Чуть более двадцати лет назад тот, тоже ссыльный, почувствовав приближение кончины, сам вырубил в вечной мерзлоте себе могилу. «Ну, я не «светлейший», могилку-то и мужики могут вырыть, а вот домовину себе сладил хорошую», — подумал Василий Никитич и вспомнил, как на станке вытачивал для своего гроба изящные, на европейский манер, ножки.

Домой вернулись к обеду. Караульные отправились к себе, понимая, что хозяин имения сегодня уже никуда не поедет. А отставной тайный советник, выпив бутылку холодных кислых щей, принялся разбирать скопившуюся корреспонденцию. Разложил бумаги по стопкам, провел рукой по зеленой глади малахитового письменного прибора, но пера не взял — все последние письма

написаны, завещание заверено свидетелями и запечатано сургучом. Вытащил из старой папки пожелтевший лист самого первого номера российской газеты «Ведомости» — шестнадцатилетним недорослем по назначению Петра Великого служил он в редакции курьером. Сверху газетного листа бережно положил письмо от академика Михайлы Ломоносова. Тот восторженно писал о своих впечатлениях от татищевской рукописи «История Российская» и обещал подготовить предисловие к первым томам, содействовать их быстрейшему изданию.

Василий Никитич оглядел полки со стройными рядами книг и папок. «Не убережет библиотеку внучок — мал еще, цены книгам не знает... Хорошо хоть рукописи скопированы, да последние статьи в академию посланы», — подумал он.

Задремал прямо в кресле. То ли во сне, то ли в полудремом воображении проносились перед ним яркие минуты жизни. Видения роились, обгоняли друг друга. Он очнулся, но перед глазами словно воочию еще стояли отрывочные картины... Величественная готика Стокгольма, где он выполнял тайные поручения императора, и суровая красота тайги и гор Урала — там возводил города и заводы. Свинцовая рябь Балтики — на Аландских островах организовывал первые переговоры о перемирии со Швецией. Потом калмыцкие степи, стены древнего астраханского Кремля — место последней службы губернатором. Листы рукописей, сотни, тысячи листов: от коротких рапортов и глав «Истории» до статей первой — так и несостоявшейся! — Конституции. Мелькнул десятками ослепительных розоватых граней большой бриллиант: выкупил его у армянских купцов и преподнес нынешней императрице. Увы, презент не пересилил наветы недругов, Елизавета Петровна отправила его в ссылку. Потом привиделся нескончаемый поток медных пятаков — двадцать лет назад он возглавил и реконструировал Московский монетный двор, построил на речке Яузе плотины, заставил

работать воду на чеканку остро не хватающих империи денег, спас тогда страну от инфляции.

«Все — тлен. Ну, может, тот розовый алмаз и останется, Романовы умеют хранить драгоценности», — невесело подумал Василий Никитич. «Нет, самым лучшим моим алмазом останется «История Российская», Ломоносов доведет дело до конца!» С этой мыслью, отряхнув остатки дремы и сновидений, он бодро встал из кресла и отправился спать. Завтра будет последний день — надо хорошо отдохнуть и выполнить оставшиеся дела: принять баньку, побриться, проститься с близкими, исповедоваться, причаститься...

Василий Татищев действительно скончался утром 15 июля. Ушел из брэнной жизни мужественно спокойно. Семейное предание гласит, что перед самой кончиной к нему примчался курьер от императрицы с двумя указами — об оправдании и отмене ссылки, а еще о награждении орденом Александра Невского. Но это — легенда. Да и сегодня для нас последнее уже не так важно. Память о Татищеве увековечена в России множественно. И не только его «Историей», на которой, как на мощном фундаменте, потом творили Ломоносов, Карамзин, Пушкин, Соловьев, Ключевский... Его фамилию носят местный университет и многие улицы не только нашего города, но и Перми, Екатеринбург, Орск, Оренбурга. Эта фамилия украшает борт современного военного корабля Балтфлота. Во многих городах стоят памятники, но самый величественный у нас, в Тольятти.

И еще. Прочтя эти заметки, вспомните их во время просмотра теленовостей, когда традиционно будут показывать очередную деловую встречу Владимира Путина. Обратите внимание на малахитовый письменный прибор и такую же малахитовую лампу на столе президента. Самый первый такой прибор с золотыми двуглавыми орлами придумал и сконструировал почти три века назад горный начальник Урала Татищев.

*Памятник Татищеву
в г. Солнечногорске*

*Надгробный памятник
В. Н. Татищеву*

*Корабль радиоразведки Краснознаменного Балтийского
флота «Василий Татищев»*

«Заморские гости» или загадка картины Николая Рериха

Очерк

Ровно 110 лет назад сначала в Москве, а потом в столичном Санкт-Петербурге с триумфом прошла выставка молодых русских живописцев «Мир искусства». Наибольшее внимание и восхищение зрителей и критиков получила серия картин Николая Рериха «Начало Руси. Славяне». Особенно «Заморские гости».

...Вглядитесь в публикуемую здесь репродукцию этого полотна. Внимательный взгляд местных жителей, неплохо знающих живописные окрестности, сразу увидит на этой удивительно яркой и сочной по своей палитре картине... почти фотографически четкую панораму самого уникального уголка Жигулевских гор. Караван судов идет вверх по Волге мимо знакомого обвода горы Лепешка, обрыва Девьей горы, у подножия Молодецкого кургана. Вдали, за изгибом великой реки (в самом левом углу картины) четко прорисован Царев курган. Если этот пейзаж достаточно историчен и сохранил свой первозданный вид до нынешних дней, то откуда за Молодецким курганом прорисован целый город — с мощными стенами, большими зданиями за ними?

А ведь Рерих был абсолютно точен! Почти тысячу лет назад на том месте стоял большой город, а вокруг располагалось

более десяти селений. Так что у нашего Ставрополя-Тольяти, 275-летие которого будет праздноваться в 2012 году, имеется малознакомая для широкого круга, но очень интересная история...

Первые поселения

Летом 1896 года двадцатидвухлетний ученик Академии художеств и одновременно слушатель двух факультетов (юридического и исторического) Петербургского университета Николай Рерих совершает свое первое путешествие по Волге, итогом которого стало более сотни пейзажных набросков и эскизов. Уже в начале XX века (в 1903–1904 гг.) он совершает еще несколько поездок по Волге, участвует в археологических изысканиях.

Тогда, более ста лет назад, Россия тоже переживала непростое время бурного перехода к капитализму, поиска национальной идеи, критической оценки прошлого для объективного прогноза на будущее. Официальная историография приоритетной выделяла норманнскую теорию о приглашении править Русью Рюриковичей и принятии христианства в 988 году. Как будто до этого не было на нашей территории цивилизованных городов и государств, множества различных народов и верований. Николай Рерих хорошо это понимал, дотошно изучал документы и современные ему научные труды.

Еще в XVIII веке академиками Лепехиным и Палласом были изучены и описаны места Самарской Луки и впервые точно указано место большого города в Жигулях. В конце пятого века (полторы тысячи лет назад!) сюда пришли болгарские и славянские племена. Но и они не были первыми. За полторы тысячи лет до этого в Жигулях появились селения

савроматов и сарматов. Археологи точно определили места наиболее крупных из них — у Задельной горы (современное село Жигули) и у Лысой горы (рядом с пристанью современного Жигулевска).

В конце девятого века на берегах Камы и Волги образовалось мощное государство — Волжская Булгария (Болгария). Его южным форпостом стал Муромский городок, который был возведен между нынешними селами Жигули и Валы. Именно он-то и изображен на картине Рериха! Еще в 922 году Волжская Булгария (со столицей Булгар, в районе нынешней Казани) приняла ислам (магометанство). Кстати, более чем на полвека раньше, чем Киев сделал официальной православно-христианскую веру!

Основной торговый путь «из варяг в греки» тогда проходил отнюдь не по Днепру, а по Волге. Правда, эту магистраль «оседлал» ростовщически хищный Хазарский каганат (союз тюркских племен, вожди которых приняли иудаизм). Хазары облагали жесточайшей данью болгар и славян. Конец этому положил поход князя Святослава, который в 896–897 годах пеше-конно поднялся из Киева к Оке, срубил там лодии и прошел вниз по Волге до столицы каганата Итиля рядом с современной Астраханью. Кстати, для быстроты маневра лодии русичей не стали огибать Самарскую Луку. В районе нынешних Переволок дружины Святослава перетасили суда из Усы в Волгу, сократив путь и обеспечив внезапность похода. Событиям того времени Рерих посвятил немало своих картин: «Переволок», «Гонец», «Идолы», «Красные паруса», «Вороны», «Вещие»...

После разгрома хазар Волжская Булгария быстро превратилась в богатое государство. Жемчужиной той страны были не только города Булгар и Биляр, но и тот самый Муромский городок с картины «Заморские гости».

Расцвет и закат Муромского городка

Итак, более тысячи лет назад на карте Европы еще не было Берлина (там стояли две рыбацкие деревушки Колин и Берлин), Париж только-только превращался в город, на семи московских холмах стояли деревеньки боярина Кучки, а в Жигулевских горах уже вырос большой по средневековым меркам город ремесленников, ученых и купцов. Об этом свидетельствуют археологические раскопки, которые неоднократно проводились в двадцатых и семидесятых годах прошлого века.

Муромский городок имел внушительную площадь: только за его каменными стенами более 150 гектаров. В ближайших окрестностях — свыше десяти слобод и сел. В городе имелись мусульманские мечети и медресе (духовные училища с библиотеками), мастерские кузнецов, медников, ювелиров, стояли кирпичные караван-сарай, бани, ряды купеческих лавок и торговых площадей.

Более двух с половиной веков этот город был опорным пунктом на пути «из варяг в греки». Торговля по Волге и далее по Каспийскому, Азовскому и Черному морям шла интенсивная. Об этом говорят найденные при раскопках арабские и германские монеты, иранская посуда, ювелирные изделия киевских и новгородских умельцев.

Но в 1236 году в Среднее Поволжье вторглись полчища хана Батые. Они разрушили все крупнейшие города Булгарии — Биляр, Булгар, Сувар. Самой страшной и первой жертвой был Муромский городок. Жители его защищались до последнего и пощады не просили. Археологи повсеместно обнаруживали мощный слой пожарищ и скелеты погибших с застрявшими в костях наконечниками монгольских стрел.

Озлобленные жестким сопротивлением, монголы не только полностью уничтожили город, но и выжгли до основания

близлежащие слободы и села. Через сто пятьдесят лет по возрожденным поселениям прошелся второй огненный смерч — войска хана Тимура вновь дотла уничтожили возрождавшуюся жизнь на берегах Волги, Самары, Сока и Усы.

Но местные уфологи утверждают, что в пронзительно ясную погоду можно увидеть над горами миражи величественной панорамы средневекового города. Они уверяют, что это и есть легендарный Муромский городок.

Рерих и Татищев

На первый взгляд, рассказ о картине Николая Рериха не имеет отношения к повествованию о жизни В. Н. Татищева. Однако, все логично.

С юных лет Н. Рерих любил заниматься археологией. Он закончил исторический факультет Петербургского университета. А настольной книгой у него была «История Российская» В. Н. Татищева. Совершая свои путешествия и археологические экспедиции, он буквально шел «по следам» Татищева на Волге, в Прибалтике, Финляндии. Николай Константинович восхищался и вспоминал его исторические и этнографические труды.

Естественно, что в поездках на Волгу художник изучал историю Нижнего Новгорода, Ярославля, уничтоженных монгольскими кочевниками Муромского городка и столицы Булгарии города Булгар. Рерих знал об археологических изысканиях Татищева в Жигулях и в дельте Волги, неоднократно подчеркивал его научный подвиг. Так Муромский городок появился на его картине «Заморские гости».

Иллюстрация с картины Н. К. Рериха «Заморские гости»

Калмыцкая стрела

Киносценарий

Сентябрь 1708 года.

Копорье, недалеко от Петербурга.

...Девятый год идет Северная война России со Швецией. Войска молодого короля Карла XII победным маршем прошли по Польше, Саксонии, Литве, Белой Руси и направлялись на Украину. Из Финляндии, для уничтожения первой русской морской базы — Кроншлота и города-крепости Петербург вышла шведская эскадра в 22 корабля и 12-тысячная армия генерала Любекера, половину которой составляли ударные драгунские части. Шведы перешли Неву выше Тосно и уже видели в окуляры подозрных труб очертания редутов Петропавловской крепости...

В окуляр подозрной трубы генерала Любекера сначала падают браво марширующие батальоны шведских гренадеров, идущие мерным шагом латные эскадроны драгун. Затем, резким переходом, идет панорама пустынных перелесков и дорог — на Петербург! Ветер с Невы развеивает плюмажи на шляпах и плащи на офицерах свиты. Вдруг вдали, из чахлой рощицы, появляется необычный отряд русских: несколько драгун во главе с офицером и с десятков дикого вида всадников явно восточного типа. Любекер быстро принимает решение и отрывисто приказывает:

— Перехватить. Уничтожить! Офицера взять живым. Это, видимо, курьер!

К идущим драгунам у подножия холма, где стоит генерал и свита, мчатся штаб-офицеры. И вот уже от эскадронов

отделяются несколько отрядов, которые полукольцом, как на облавной охоте, начинают «обкладывать» русских. Те замечают противника, разворачиваются и пытаются уходить из облавы.

...Сквозь зелень веток мы видим мерно покачивающийся на широкой груди медный крестильный крестик. Это с противоположного холма, в густом кустарнике, затаился калмыцкий сотник Петр Тайшин. Он внимательно наблюдает за происходящим и тоже поднимает подзорную трубу.

Передовые шведские драгуны выхватывают из седельных кобур пистолеты. Гремят залпы. Пораженный выстрелом, из седла вылетает офицер-курьер. Сопровождающие его настегивают лошадей и мчатся к перелеску у подножия холма, где прячется наблюдающий за этим сотник. Шведы спешиваются, за обшлагом мундира русского виден окровавленный угол пакета. И вот он уже в руках у драгун. А из перелеска — словно бросили две пригоршни — вырываются дико визжащие всадники. Их больше, чем шведов, и последние благоразумно отступают к идущему на помощь второму отряду драгун. Перестраиваются, разворачиваются и идут красивой фронтальной атакой на русских туземцев. Те же, подняв убитого офицера-курьера, не спешат скрыться, спокойно ждут мчащихся драгун. Вновь расстегиваются седельные кобуры. Но пистолетный залп опережает свист... стрел!

Это калмыцкие всадники быстро выпускают по две-три стрелы: смертоносный дождь выкашивает половину драгун и те разворачивают лошадей. Калмыки тоже уходят.

...Окровавленный пакет в руках Любекера. С треском ломается сургуч печатей — внутри короткое письмо-депеша. Генерал передает лист адъютанту-переводчику. Тот возбужденно-громко переводит-читает:

«Граф Апраксин — генералу Фразеру. Продержитесь еще сутки. Беспokoйте неприятеля малыми отрядами. Завтра буду

у вас с 20-тысячным корпусом калмыков. Нашинкуем шведов «в капусту»!

— Что значит «нашинкуем»? — спрашивает Любекер.

— Так русские рубят-крошат капусту на засолку...

Генерал, нервно покусывая седой ус, смотрит на поле, где лежит два десятка пораженных шведских драгун. Вновь поднимает подзорную трубу. Вдали поднимается пыль. Там, у русских, из перелесков, между холмами струятся цепочки всадников, показываются повозки, «двуконь» везут пушки. Ощущение непрерывности марша большой армии. Но если бы Любекер мог видеть картину с «птичьего полета»! Заворачивающие за холм всадники и пушкари сразу настегивают лошадей, объезжают холм, на ходу стаскивая кафтаны и мундиры и... вновь возвращаются на дорогу, мерно и натружено пыля на глазах далеких шведов...

Генерал кричит:

— Вызывайте эскадру Анкерштерна! Отступаем к морю, уходим из этого проклятого края. У русских тройное превосходство, да и воюют они... не по правилам — бьют из луков стрелами! А теперь вот и артиллерию подтягивают. Надо спасти армию, всех лошадей... зарезать — они не должны достаться противнику! А Петербург еще нас увидит...

Октябрь 1708 год.

Москва. Недалеко от Красной площади. Трактир.

Вновь покачивается на груди (офицерский Преображенский мундир расстегнут, натальной рубахи нет) крестильный медный крестик сотника Петра Тайшина. На столе — новомодные для столичных трактиров оловянные кружки. Собеседники Петра такие же молодые офицеры-драгуны — румянощекий Василий Татищев и явно «немчинского происхождения» Владимир Прусс.

В трактир входит солдат-курьер и со словами «Знаешь, что делать!?» — отдает хозяину газету. Трактирщик, кивнув курьеру, осматривает зал. На секунду останавливает взгляд на сидящих в «красном углу» офицерах-преображенцах, но не решается обратиться к ним. Идет к другому столу — там скромно, за квасом-хлебом, сидят гардемарины Школы математических и навигацких наук. Подходит к ним:

— Вы, господа, грамотные. Согласно царскому Указу газету «Ведомости» следует читать вслух во всех трактирах. Кто читает — получает по желанию, из того что есть, выпить и закусить бесплатно!

...Звонким голосом, на весь трактир, читает гардемарин в первой русской печатной газете «Ведомости»:

— Корпус генерала Любекера пытался штурмовать новый город на Неве Санкт-Петербург, но был разбит войсками адмирала Апраксина. Шведы потеряли пять тысяч солдат и при отступлении зарезали девять тысяч лошадей своих драгунских полков...

— Под селением Лесная разбит корпус генерала Левенгаупта: из 16 тысяч солдат и кавалерии, идущих на соединение с войсками шведского короля Карлуса на Украине, половина уничтожена и взята в плен. Две тысячи телег обоза с оружием и провиантом для короля Карлуса стали нашими трофеями. Об этих небывалых викториях извещены все иностранные послы в Москве и русские послы при иностранных дворах, — это уже читает следующий кадет, стол чтецов накрыт закусками и штофами.

К офицерам-преображенцам подходит вестовой и негромко говорит:

— Господа, вас сей момент ожидает генерал Яков Брюс!

Кабинет Якова Брюса.

...Наши герои подходят к Сухаревской башне, в прилегающих к ней зданиях размещается Навигацкая школа, а в самой

башне — кабинет и личная лаборатория-обсерватория начальника школы Якова Вилимовича Брюса — по совместительству главного артиллериста, картографа, печатника (и прочая, прочая) Петра Первого. А еще — руководителя его военной разведки...

Входят в его кабинет без любопытства (видимо не впервой!), хотя диковинных вещей здесь немало — телескоп, большой глобус, полки с книгами. Встают «во фронт». Тридцативосьмилетний генерал с явным удовольствием оглядывает молодых людей, словно вспоминая свою молодость.

— Молодцы! Посрамили Любекера. Попался тот на нашу «удочку».

— Ну, Василий Никитич, — обращаясь к Татищеву — докладывай о своем сегодняшнем визите к английскому посланнику Витворту!

— Витворт, сам мне об этом сказал, подготовил депешу в Лондон о наших баталиях под Петербургом и Лесной. Спросил, знаю ли я Якова Брюса, просил передать привет из Лондона от сэра Исаака Ньютона, директора английского Монетного Двора и большого ученого. Королева Британии недавно того Ньютона за заслуги в науке произвела в рыцари... А еще он рассказывал о своем лондонском знакомце — Даниэле Дефо, который задумал роман написать о единении человека с природой на необитаемом острове и сравнил себя, посланника английского, с тем человеком по имени Робинзон: мол живет в Москве Витворт, как Робинзон. Правда обмолвился, что у его знакомца времени мало и роман тот не скоро напишет...

— Ах, хитрая лиса Витворт! Чтобы вы знали молодые люди: подлинное имя упомянутого романиста — Даниил, а фамилия весьма короткая — «Фо». Времени же у него мало потому, что он возглавляет всю военную и политическую разведку Англии. А это только в Шотландии 500 агентов-соглядатаев! Про европейские страны и не говорю... Приветы он мне

передает... Хотя, за новость о сэре Ньютоне благодарен — мы с этим действительно великим ученым познакомились вместе с государем нашим Петром Алексеевичем, когда из Голландии в Англию приезжали. Я в той Англии потом на целый год остался, обучался наукам и еще неоднократно с Ньютоном встречался...

Брюс прошелся по кабинету. Взял со стола лист с текстом. Задумчиво посмотрел на висящую на стене карту (синими стрелами на ней показано движение шведских войск из Польши — сначала вроде на Москву, потом резкий поворот вниз — через Литву на Украину).

— Ну а вам — сначала «Вольно»! Присаживайтесь, господа поручики! Наши победы на Неве и у Лесной — только начало. Шведская армия сильна. Ее марш на юг не случаен. Поначалу Карл надеялся на возмущение казаков атамана Булавина на Дону, да на восстание башкирцев на Волге. Слава Богу и спасибо деду Петра Тайшина Аюке-хану — мы и тех и других уничтожили. Но вот открылась новая измена. Читаю вам Манифест государя Петра Алексеевича:

«Гетман Мазепа, забыв страх божий и свое крестное к нам, великому государю, целованье, изменил и переехал к неприятелю нашему, королю шведскому, по договору с ним и Лещинским от шведа выбранным на королевство Польское, дабы с общего согласия с ним Малороссийскую землю поработить по-прежнему под владение Польское и церкви божие и святые монастыри отдать в унию...»

Измена эта страшная! У Мазепы немало сторонников, он поднимет Запорожскую Сечь, а если и поляки войска дадут, то после зимы следует ждать похода Карла на Москву...

Брюс помолчал. Потом жестко продолжил:

— Приказываю вам (молодые офицеры встали «во фронт») незамедлительно отправляться на Украину. Господину Тайшину организовать подвижные отряды из своих лучших калмыков и

скрытно находиться рядом с войсками шведов, сообщать о каждом их шаге. Тебе, Вольдемар, (обращаясь к Пруссу) следует проникнуть в шведский лагерь, завести знакомства и подумать о прямом доступе к королю Карлу. На этот раз следует провести противника похитрее, чем под Питербургом! Ну а тебе, Татищев, надобно поискать и приготовить точные карты Украины. Я сам скоро буду там, вместе с государем. Дадим шведу большую баталию! Очень, ребята, на вас надеюсь... Не посрамите свою родословную! Ведь в вас, как и во мне течет непростая — королевская кровь...

Да, вот еще. Понадобятся деньги. Вот, возьмите. А еще тут для вас, как награда за дела на Неве, подарки. Все. С Богом!

Брюс передал стоящему ближе Татищеву небольшой берестяной короб. Чуткие ноздри Тайшина уловили запах степного емшана-полыни.

— Да, верно, — на прощанье сказал Яков Вилимович, — пахнет полынью, самый что ни на есть родной аромат половецкого Поля. Как для нас, шотландцев, запах молодого вереска. Не пустили меня тогда англичане в родную Шотландию — побоялись...

И вновь — трактир. В зале пусто — поздний вечер. Но хозяин обслуживает наших героев — заплатили-то полноценной монетой — серебром! На столе стоит пока не раскрытый короб...

— А что это генерал про королевскую кровь говорил? — спрашивает у Татищева Петр Тайшин.

— Ну, тут все просто. Ты у нас — внук Аюки-хана. Хоть и не прямой потомок самого Чингиз-хана, но все равно — вождя одного из славных монгольских племен. Чем не король! Я — так вообще в девятнадцатом колене Рюрикович, слышал о нем — основателе Русской, Киевской державы? Ну а сам Яков Вилимович — потомок Роберта Брюса, короля Шотландии, который четыреста лет назад победил английского короля Эдуарда и завоевал, правда не надолго, независимость Шотландии. Отец Брюса приехал к нам

в Россию еще при батюшке Петра Алексеевича — Алексее Михайловиче, Яков Вилимович уже здесь, в Москве, родился. Но все равно англичане не пустили его с Родиной повидаться.

— Ну а при чем тут наш друг Владимир, или как его назвал Брюс, Вольдемар? — спросил Тайшин, но уже больше не у Татищева, а у самого Прусса.

Прусс начал отвечать нехотя, потом, распалившись, говорил уже взволнованно и громко:

— Мы — пруссы, славянское племя. Пятьсот лет назад почти всех нас германцы вырезали! Папа Римский ежегодно благословлял против нас крестовые походы сначала ордена меченосцев, потом Тевтонского, Ливонского. В последние сто лет в нашей Пруссии похозяйничали и шведы. Я — последний потомок прусских князей.

Католичества-лютеранства не принял, пришлось с малых лет прятаться-скрываться. Никогда, пока жив буду, германцам и шведам не прощу того, что целый народ они извели ради собственной выгоды. Как испанцы — индейцев в Америке. Хочу уехать в ту Америку, там говорят, люди любой веры живут свободно!

— Ну, господа комбатанты, мы что-то историей увлеклись. Хотя дело это весьма интересное. Когда-нибудь я этой наукой всерьез займусь, — прервал его Татищев. И продолжил:

— А пока, как любит повторять генерал Брюс, «Математика — царица наук, а артиллерия -...

— ... Бог войны! — хором произнесли друзья.

— Вот-вот, нам теперь и думать надо, как под этого бога, под русские пушки подвести армию Карла на Украине. Одержим викторию, тогда и будем думать о будущем. А сейчас предлагаю посмотреть на генеральские подарки-гостинцы, — и Василий решительно отбросил щеколду на берестяном коробе.

Он вынул из него несколько свертков. К каждому из них был прикреплен листок с надписями: «Тайшину», «Пруссу»,

«Татищеву». Раздал друзьям свертки и стал разворачивать свой.

Начало нового 1709 года. Украина.

В заснеженной степи — хутор Генерального писаря Украины Пилипа (Филиппа) Орлика. К хутору подъезжают два всадника. В иноземном платье, треуголках. Это — Вольдемар Прусс и Василий Татищев. На крыльцо центральной хаты хутора напротив ворот выходит совсем юный (лет семи!) казачок с явно недетским и не игрушечным, но изящным пистолем в руках. Рядом встают два дюжих запорожца откровенно бандитского вида, в каждой руке по пистолету. Ждут гостей...

Прусс спешивается, близко не подходит, здоровается по-русски:

— Добрый вечер, господа! Нам указали, что здесь можно переночевать...

Юный казачок в ответ почти кричит:

— Не вразумляем вашу москальску, песью мову. Проезжайте прочь!

Вольдемар переходит на французский и с удивлением слышит ответ тоже по-французски.

— Простите сударь, Вы не Грегор Орлик?

— Да, я Орлик, сын Генерального писаря. Господа — французы?

— Слава Богу, нет. Мы — англичане.

Легко и непринужденно юный Орлик переходит на английский:

— Рад видеть таких гостей. Извините, приняли вас за москалей. Проходите до хаты. Повечеряем-поговорим...

...Татищев и Прусс явно с удовольствием едят: стол буквально заставлен снедью. Они лишь иногда переглядываются друг с другом, особенно когда совсем юный мальчишка Орлик

явно привирает. Но слушают внимательно. За спиной Григория застыли монументами казаки-гайдуки. Мальчишка витийствует:

— Москали разрушили нашу крепость Батурын, сожгли Запорожскую Сечь! Тысячи казаков казнены, сосланы в Сибирь. Но у нашего союзника — короля Карла XII — 34 полка! Гетман Мазепа ведет к нему двадцать тысяч казаков. Свою армию направляет сюда король Польский Станислав Лещинский. К весне соберется большое войско, и мы пойдем на Москву! Украина станет Державой! Союзницей Речи Посполитой и Швеции. У нас даже знамя будет почти как у шведов — желто-голубое! Мы войдем в просвещенную Европу...

— Ну а Россия?

— Московия, москали? Да после их разгрома шведами это будет несколько удельных княжеств, в Кремле посадят на престол сына Петра — Алексея.

Василий с интересом разглядывал корешки книг на полках — целая библиотека! Тут же стоял большой глобус, совсем как в кабинете генерала Брюса. Татищев подошел к нему, крутнул по оси, остановил и уперся пальцем в изображение Северной Америки.

— Смотри, Вольдемар, вот твой Новый Свет!

Прусс подошел. За ним и юный Григорий Орлик. Было видно, что юный полиглот неплохо разбирается и в географии:

— Джентльменов интересует Америка? Говорят, что туда сейчас не только много англичан перебирается, но и ирландцев, голландцев, французов...

— Америка интересует моего друга, — ответил Татищев. — Мне же любопытна история Древней Руси. Киевской. Она чудным образом переплетается с историей Англии. А знает ли наш молодой сударь, что у короля Ричарда Львиное Сердце ближайшим рыцарем был Айвенго — правнук русского дружинника, служившем при Ярославе Мудром? Очень любопытная история. Норвежский конунг Харальд служил у киевского князя, стал мужем его дочери

Елизаветы и отправился к себе на родину завоевывать королевский трон. С ним Ярослав отправил триста киевских дружинников. Многие из них потом участвовали в завоевании Англии союзником Харальда Вильгельмом, от которого прадед Айвенго и получил рыцарское звание. Вот я занимаюсь историей России, ну и, как говорят геометры, параллельно и историей других стран, связанных с нею.

— Россия — не наша держава! У нас в давние времена была Великая Русь, сейчас будет Великая Украина. Безо всякой Московии и Москвы!

— Ну, пока мне в этом разобраться трудно, я лишь начал постигать извивы вашей истории. Собираю рукописи, по-вашему — летописи, старые карты. Если молодой человек соблаговолит, то готов купить у него какие-то раритеты.

— Это библиотека не моя — отца, человека самого просвещенного на Украине. Но есть в ней и неплохие копии. Думаю, отец был бы не против, если бы я не продал, а просто подарил вам копию какого-нибудь манускрипта. Что же касается денег, то отец имеет счет в Лондонском банке, пожелаете — при приезде домой можете перевести на него разумную для вас сумму. Мы, кстати, и казну Запорожской Сечи подальше от москалей перевели в Лондонский банк...

* * *

По протоптанному тысячами ног шляху в яркий солнечный день уже на возке (их лошади бегут сзади на привязи) едут полулежа Татищев и Прусс.

— Слушай, Владимир, надо было сжечь это осиное гнездо — хутор Орлика! Подумай, какой звереныш, враг России растет там!

— Ну, он же еще ребенок. Причем талантливый! В восемь лет знает пять языков. А библиотека у Генерального писаря, действительно великолепная. Да и карты мы получили вполне официально. Заметь, карты редчайшие, итальянские портоланы!

Республики Венеция и Генуя направляли сюда специально картографов для составления этих портоланов — путевых и судоходных карт для разработки будущих купеческих маршрутов еще двести-триста лет назад. Так что у нас сейчас есть точные ориентиры шляхов, переволок, колодцев и переправ.

...Их возок догоняет гигантскую колонну шведских гренадеров. От нее отделяются всадники. Приблизившись (а это казаки Мазепы) зычно кричат:

— Кто вы, ясновельможные? Откуда, куда?

Отвечают им сопровождающие гайдуки (те самые слуги юного Орлика — он их дал друзьям в сопровождающие)

— Это англицкие гости. Гости Орлика. Едем к шведскому королю Карлу! А вы откуда?

— Из-под Веприка. Шведы крепость с русским гарнизоном штурмовали. Два полка положили, две тысячи солдат...

— Ну, а Веприк? Каков был гарнизон, что с ним?

— В гарнизоне — менее тысячи. Часть успела уйти. Крепость сожгли. Идем на зимние квартиры...

Татищев, послушав разговор, говорит Пруссу:

— Ну вот, у Карла двух полков нет. К лету его армия еще более сократится. Но если придут поляки, да казаки-мазепинцы — все равно сила. И сражение будет поистине генеральным. Теперь, Вольдемар, наши пути расходятся. Мне через Киев, надо быстрее к Брюсу. Карты расшифровать, размножить. Доложить об увиденном-услышанном. Тебе же остается пожелать удачи: подобраться к ставке короля, к самому Карлу, задача непростая...

26 июня 1709 года. Украина. Под Полтавой.

Штабная палатка Карла XII.

Перед полулежачим (накануне, в ночной стычке с казаками ранен в ногу) шведским королем стоит Владимир Прусс

в слегка разодранном мундире унтер-офицера Семеновского полка. За королем столпились генералы. Все внимательно слушают сообщение Прусса:

— Ваше Величество! Послезавтра к русским придет сорокатысячная конная армия калмыцкого Аюки-хана. Русские прекратили строительство редутов, они готовятся уже не к обороне — к наступлению. Хотят охватить Ваши войска с флангов исключительно конницей. За редутами останется пехота, причем в центре — новобранцы, еще ни разу пороху не пробовавшие... Гвардия и гренадеры пойдут за конницей. Царь Петр обещал устроить новые Канны! Расположение русских войск указаны на этом чертеже, — он протянул сложенный вчетверо лист бумаги. Ординарец передал бумагу королю. Карл углубился в изучение плана, потом, подняв голову, пристально посмотрел на Прусса. Взгляд выражал не только проверку на правдивость, но и некоторое недоумение: ты сообщил все, что надо, зачем стоишь? Владимир выдержал взгляд, а потом перевел его на стоящего рядом с королем командующего шведскими войсками фельдмаршала Реншильда. Король повернулся к нему: в чем дело?

— Ваше величество, немецкий перебежчик ждет награды!

— Сведения, если они верные, весьма важны. Выдать сколько обещано. Кстати, а сколько обещано?

— Тысяча ригсталеров!

— Недурно, генеральское содержание. Но того, видимо, стоит. Выдать, но немца держать под стражей до конца баталии...

Прусс, получив объемистый кошель, уходит.

Карл, немного подумав, спрашивает у Реншильда:

— А что говорят наши разведчики, союзники-украинцы?

— Данные о подходе калмыков подтверждаются, через два-три дня эта орда будет здесь. К сожалению, под Петербургом и Лесным они показали себя умелыми рубаками, с нашими

драгунами бились наравне, не смогли противостоять только кирасирам в латах. Осмелюсь напомнить королю, что у меня с русским фельдмаршалом Шереметевым составлено джентльменское соглашение о том, что генеральная баталия состоится только через три дня — 29-го июня. Мы даже подписали документ, в котором (Реншильд достает бумагу и цитирует): «Чтоб до оного сроку никаких поисков через партию и объезды и внезапными набегами от обоих армий не быть!»

...Ну, — хмыкнул король, — это соглашение, Реншильд, между вами. Король же решает последним. Ждать калмыков мы, естественно, не будем! Ударим завтра, на рассвете. Нет, даже раньше, часа в два-три ночи. Главный удар сначала конницей. Надо захватить редуты. Потом пойдет пехота. Поставьте сильные батальоны в центр, надо разметать новобранцев. А потом окружать русских по частям. Важно захватить их пушки из недостроенных редутов. У нас всего четыре боеспособных орудия и мало зарядов, у русских — больше сотни пушек. Вот и встретим потом их дикую конницу русскими же пушками! Все. Я — отдыхаю. Через два часа доложить детальную диспозицию, по каждому полку, по каждому батальону. Помните: русская кавалерия боится кирасир, поставьте их тараном впереди! И еще: обедать завтра будем в шатрах русского царя, это я вам точно обещаю...

Штабная палатка генерала Брюса.

Вечер того же дня.

На расстеленной большой карте четко видны очертания крепости Полтавы, осажденной шведскими войсками. Далее нарисованы редуты и квадратики русской армии. У карты — Петр 1, Меншиков, Шереметев, немного в отдалении скромно стоят Татищев и Тайшин.

Докладывает Брюс:

— Шведы накапливают по ближним рощицам кавалерию — казаков-изменников, драгунские полки. Выдвинули и три полка тяжелых кирасир в латах. Ударят, возможно, уже ночью. Редуты готовы встретить их огнем 102-х пушек. Если подвести конницу под редуты и успеть дать хотя бы два-три залпа, то кавалерию выкосим! Сейчас Новгородский полк, самый испытанный, переодевается в мундиры новобранцев. Пехоту встретим оставшимися пушками и ружейными залпами.

Петр, попыхивая шкиперской трубочкой, спрашивает у Шереметева:

— Фельдмаршал, а как же ваше джентльменское соглашение о генеральной баталии 29-го?

Вместо него тут же, посмеиваясь, ответил Меншиков:

— Король Карлус хозяин своему слову: захотел — дал, захотел — взял обратно!

В углу палатки тихо переговаривались Татищев и Тайшин:

— А у меня, Василий, княгиня скоро появится...

— Какая такая княгиня?

— Брюс оказался прав, стал и я королевских кровей. Дед Аюка-хан нарек меня ханом — по-русски значит князем, жену окрещу, нареку русским именем, вот и будет княгиней...

— Имя-то выбрал?

— Анна!

— Что ж, поистине царское имя. Ну, смотри, князь, завтра от тебя многое зависит, заманить шведов в ловушку редутов будет непросто...

— Тут главное, что наш друг напугал шведов подходом калмыцкой конницы...

— А что, твои родичи разве не идут сюда маршем?

— Идут. И будут дня через два-три. Только, конечно, не сорок тысяч, в два раза меньше...

27 июня. Ночь-утро. Начало сражения.

Еще в сумерках, в четвертом часу поутру, в клубах низко стелящегося осеннего тумана, выезжают из перелесков ряды шведских кирасиров. Утренняя роса проблескивает на медных и стальных латах, дрожит, стекая по гигантским палашам, мерно покачивающимся на плечах воинов. Ряд за рядом выезжают и строятся на поле полки. Впереди — явно недостроенные редуты русских. Вдруг между редутов навстречу вырываются сотни всадников в малахаях, с пиками и кривыми саблями. Визг, крик, топот копыт и ржанье лошадей. На миг приостановились кирасиры. Потом вновь пошли, убыстряя бег своих лошадей навстречу этой массе конников. Строго соблюдая ряды. Перекинуты палаши в левые руки, правые привычно опускаются к седельной кобуре. Залп из седельных пистолетов. Палаш переброшен в другую руку. Подняты пистолы из левых кобур. Еще залп! Дикие (а это уже видно — явно восточного типа) кавалеристы смешиваются в кучу, разворачивают лошадей и скачут обратно к редутам. Кирасиры убыстряют бег своих лошадей, но не ломают строй, мчатся четко линиями. Калмыки уходят за редуты, а оттуда — смертельный всплеск артиллерийского огня. Бьет сразу почти сто пушек! Картечь буквально выкашивает первые ряды кирасир. Последующие смешивают строй. Над рощицами восходит сентябрьское солнце. Его лучи блестят на клинках русских драгун, их полки выплескиваются навстречу остаткам кирасир. А по бокам мчатся калмыки. Грозный рев сотен глоток: «Урра-рах!»

...За всей этой картиной в подзорную трубу наблюдает царь Петр. Говорит стоящему рядом фельдмаршалу Шереметеву:

— Это «Ура!» — молодецкий клич. Надо Указ издать, чтобы впредь в нашей армии при атаке его дружно кричали, а не наше «мать-перемать»...

— Одно другому не мешает, — глубокомысленно замечает фельдмаршал.

На помощь остаткам кирасир мчатся подкрепления. Идет жесткая рубка, шведы теснят русских. И вновь наши конники, развернувшись, уходят меж спасительных редутов. И вновь зычно бьют орудия, визжит картечь, и сотни всадников находят смерть на поле. Уже несколько тысяч шведов лежат на поле.

Шереметев обращается к Петру:

— Меншиков в третий раз просит подкрепления, желает единым ударом опрокинуть неприятеля и добыть викторию!

— Ишь, какой приткий. Да король Карлус еще свои основные войска, свою железную пехоту не вывел. Да и предатели-мазепинцы еще не появлялись. Нет! Наоборот, пусть играют отступление коннице, пусть уходят за редуты. И давай строить нашу пехоту. Главный бой — впереди. Я с новгородцами встану...

И вновь, уже в третий раз, повторяется картина отступления русских, азарт погони у шведов и безжалостный расстрел их с редутов.

...Уже полное утро, девятый час. Четкие квадраты шведских полков мерно продвигаются к редутам. Красиво и точно, словно отлаженный механизм, идет эта пехота профессиональных наемных вояк. Саксонцы и эстонцы, немцы, латыши, поляки, литовцы... Под сине-желтыми знаменами, еще со времен средневекового Карла Кнутссона идут закаленные воины. Стоп. Встали. Передние ряды дружно дают залп из ружей. Встают на колено. Второй залп второго ряда. Третий залп! Четкий огонь выкашивает защитников редутов. И вновь мерная поступь шведских батальонов. Со свитой ординарцев за ними едет Реншильд. В окуляр его подзорной трубы видны выстроившиеся за редутами русские пехотинцы. Серым пятном в центре выделяются батальоны переодетого новгородского полка. В их

гуще, на коне — сам царь Петр. Рядом — Василий Татищев. Реншильд, показывая трубой на центр, кричит:

— Основной удар — туда! Проломить новобранцев!

Уже пройдены обескровленные редуты. Шведы убыстряют до бега шаг. Атака! Навстречу — русские. Контратака. Уже никто не стреляет — идет рукопашная...

А по флангам мечется конница. Идет жесткая рубка. Царь Петр, привстав на стременах, пытается оглядеть всю панораму боя. Посвистывают пули. Одна, уже на излете, бьет царя в грудь. Покачнулся. Удивленно посмотрел на распоротый мундир, отвел борт сукна вместе с нательной рубахой и увидел погнутой золотой нательный крест. Еще одна пуля сбивает с царя треуголку. Еще одна бьет в седло. Но тут вырывается вперед Василий Татищев, прикрывает царя и получает тоже пулю — в руку. Петр кричит Татищеву:

— Не вертись под ногами! Поднимай запасной второй батальон новгородцев!

Но те уже и без приказа бегут сюда. Быстро, на ходу, смыкаются в жесткие ряды, насаживают на стволы ружей широкие, как кинжалы, багинеты.

Царь кричит:

— Вперед, ребята! Урр-ра!

Батальон подхватывает непривычное слово. Но больше слышится простое «А-а-а!»

...Шведы ломают строй, пятятся, но еще вполне слаженно отходят. А с флангов мчится конница калмыков. Туча стрел над синемундирными батальонами. Шведы бегут...

Победный обед. Полдень 27 июня.

За уставленным снедью и напитками длинным столом сидит царь Петр с ближайшими соратниками. Напротив — пустые

скамьи. Подводят шведских генералов, впереди фельдмаршал Реншильд. Петр встает. Вынимает из портупей свою шпагу и передает ее плененному со словами:

— Спасибо за науку. Вы славно дрались! Вчерашнего числа брат мой король Карлус просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли. А брат мой Карл ко мне в шатер не пожаловал, в чем пароя своего не сдержал. Но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих пообедать.

...К сидящему у края стола Татищеву подходит Петр Тайшин и что-то шепчет на ухо. Царь видит его и громко говорит всем:

— Викторию ковали все! Спасибо артиллеристам (кивок в сторону генерала Брюса), спасибо драгунам (улыбка Меншикову), слава нашему фельдмаршалу (легкий поклон Шереметеву). А еще спасибо братьям-калмыкам (взгляд на вставшего «во фронт» Тайшина) — лихие вояки! Повелеваю теперь же, чтобы их клич «Ур-ра!» стал кличем русской армии. Ура, господа викторианцы, ура, победители!

...Тайшин и Татищев уходят за шатры и палатки. Садятся на коней и скачут к небольшой рожице. На опушке, вьюча второго коня, их ждет Прусс.

— Ну вот, други, я свое дело сделал, теперь уезжаю.

— Куда?

— Пока в Италию. Потом... в Америку! Ну а какие пути-дороги у вас теперь?

— Мы люди служивые, куда государь пошлет, — отвечает Татищев. И продолжает:

— Хочу учиться. Геодезии, артиллерийскому делу, истории. Побывать бы тоже в Европе... Ну а пока есть поручение Брюса — спешу в Киев.

— А мне сейчас тоже в седло, — говорит Тайшин. — Вместе с драгунами Меншикова будем преследовать отступающих

шведов. Здесь мы их тысяч десять положили, но еще больше отступает к Днепру. Отпустить их нельзя.

...От рощи идут три стародавних шляха. Обнявшись на прощанье, каждый выбирает свою дорогу. За мчасьимися всадниками клубится пыль.

Через три дня остатки шведских войск — 16 тысяч солдат и офицеров — будут окружены калмыцкой кавалерией и драгунами Меншикова у Днепра и пленены без боя.

Юный Григорий (Грегор) Орлик эмигрирует во Францию, станет графом, известным дипломатом, маршалом этой страны. Сегодня на землях его родового замка под Парижем находится знаменитый аэропорт Орли.

Владимир (Вольдемар) Прусс обоснуется в Северной Америке, его сын станет генералом армии Вашингтона, завоевавшей независимость будущих Соединенных Штатов.

Хан (князь) Петр Петрович Тайшин попросит у императрицы Анны Иоанновны выделения земли и строительства города для крещеных калмыков на Волге. Его жена Анна Тайшина въедет в город-крепость Ставрополь у Жигулевских гор летом 1738 года. Город будет построен по чертежам и под руководством ставшего генерал-поручиком Василия Татищева.

Ярка и многогранна будет жизнь этого человека. Татищев создаст более ста горных заводов на Урале, возведет многие крепости и большие города — Орск, Оренбург, Екатеринбург, реконструирует Самару, Пермь, Астрахань. Будет дипломатом и губернатором. Но главное — создаст первую многотомную «Историю Российскую». А еще — первые русско-калмыцкие школы, калмыцко-русский словарь, первые геодезические карты Поволжья и Сибири...

Конец

Епифания, Ставрополь, Тольятти

(вместо эпилога)

Уважаемый читатель! Вы познакомились с несколькими эпизодами яркой и насыщенной жизни нашего героя. Эта книга готовилась специально к 275-летию появления на карте России города Ставрополь (именуемого ныне городом Тольятти), который основал В. Н. Татищев летом 1737 года.

Опытный геодезист и топограф, начальник Оренбургской экспедиции и тайный советник Российской империи, он тщательно спланировал строительство компактного форпоста на востоке страны, на берегу Волги, напротив Жигулевских гор. Обратите внимание на современное изображение герба нашего города. В центре его размещен лаконичный план крепости, стены которой переходят в изображения, напоминающие русские ладьи, сверху ломкие линии символизируют Жигулевские горы, синева фона — волжские просторы. А в середине укрепления — крест. Ведь название Ставрополь переводится с греческого языка как «город Святого Креста», и первые сто лет он являлся столицей крещеных православных калмыков. Пятьдесят лет спустя после создания нашего города Российская империя стала быстро расширяться на юго-востоке, и в предгорьях Кавказа построили новый Ставрополь, а наш город стал именоваться уже как Ставрополь-на-Волге.

Первоначально В. Н. Татищев мечтал о городе нового образца и предлагал назвать город-крепость у Жигулей Епифанией, то есть с греческого «Просвещение». Он планировал и

создавал не просто пограничный форпост, а масштабный просветительский проект! Он быстро и эффективно организовал перевод крещеных калмыков от кочевого образа жизни к более высокому уровню хозяйствования и развития. За один год в окрестностях крепости появились около десяти поселений — добротных деревень новоселов. С помощью русских калмыки учились плотницкому делу, огородничеству, сеяли рожь и пшеницу, осваивали сенокосные угодья в заливных лугах, занимались рыболовством, охотой в Куньем, Ягодинском и Буяновском лесах. Но главное — они получили статус полноправных свободных (а не крепостных!) граждан России.

Василий Никитич «пробил» в Сенате ряд привилегий и стартовую денежную помощь для калмыков, принимавших православие и переходивших на оседлый образ жизни — безвозмездное получение инвентаря, зерна, скота, лошадей. Важный момент — они освобождались от всех налогов! А из ловких и умелых от природы всадников было создано специальное Ставропольское калмыцкое казачье войско. Кстати, впервые (и единственный раз в истории) командовала им женщина-атаманша, княгиня Анна Тайшина. Татищев смог убедить Сенат в том, чтобы в порядке исключения из правил православная калмычка получила не только атаманский статус, но и регулярное жалование в размере оклада русского полковника 500 рублей.

Наш герой радел за дело просвещения новоселов гарнизона Ставрополя, особенно детей. По его распоряжению сначала организовали русскую школу, а потом и для калмыков. В Самаре Василий Никитич открыл курсы переводчиков, лично подготовил лексиконы (словари) калмыцкого и татарского языков.

В последующие десятилетия наш город-крепость славился обилием церквей и часовен, торговыми лавками и ярмарками и первой в крае стационарной больницей! В середине девятнадцатого века у нас открывались гимназии и реальные училища.

К началу двадцатых годов прошлого века в десяти тысячном городке действовали двенадцать школ для детей, пять техникумов и училищ и 23 школы для взрослых.

... 2 сентября 1998 года, в самом начале нового учебного года, на волжском склоне торжественно открылся величественный памятник Василию Никитичу Татищеву. Большой пьедестал памятника исполнен в виде фортов ставропольской крепости. В тот день он утонул в сотнях тысяч осенних цветов. Среди собравшихся на торжество было очень много школьников и студентов. Обратите внимание: сегодня в городе с населением 720 тысяч человек работают 123 школы, 10 театров, 65 библиотек, две академии, два университета, один из которых носит имя В. Н. Татищева, православная гимназия, консерватория!

Сбылась мечта нашего героя о Епифании...

Герб города Тольятти

Библиография

К 265-летию нашего города Централизованная библиотечная система г. Тольятти и Центральная библиотека им. В. Н. Татищева подготовили многостраничный библиографический указатель «В. Н. Татищев и Ставрополь-на-Волге». За минувшее десятилетие этот указатель значительно пополнился новыми именами российских и зарубежных писателей, историков и краеведов, в том числе тольяттинских журналистов, преподавателей и студентов, названиями их исследований о жизни и деятельности В. Н. Татищева. Новые работы опубликованы в Волжском Университете им. Татищева и Тольяттинском государственном Университете, в Управлении по делам архивов мэрии г. Тольятти и, конечно, в интернете.

Укажу лишь несколько из более чем пятисот работ.

1. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений с 8 томах. М.: «Ладомир», 1994–1996.
2. *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717–1750 гг. М.: «Наука», 1990.
3. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Ленинград, 1979.
4. *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время / Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина в Типографии В. Грачева и Ко. М., 1861.
5. *Попов Н. А.* Ученые и литературные труды В. Н. Татищева (1686–1750). Торжественное собрание Императорской Академии наук 19 апреля 1886 г. в память 200-летней годовщины со дня рождения В. Н. Татищева. СПб., 1887.
6. *Блюмин Г. З.* Юность Татищева. Л.: Лениздат, 1986.

7. *Гордин Я. А.* Хроника одной судьбы. М.: Советская Россия, 1980.
8. *Марков А. С.* Тайный советник. Волгоград, 1986.
9. *Кузьмин А. Г.* Татищев (ЖЗЛ). М.: Молодая гвардия, 1987.
10. *Шакинко И. М. В. Н.* Татищев. М.: Мысль, 1987.
11. *Blanc S.* Un disciple Pierre le Grand dans la Russie du XVIII siecle. V. N. Tatischev (1686–1750). Lille, 1972.
12. *Daniels Rudolf.* Tatischev V. N. Guardian of the Petrine revolution. Filadelfia, 1973.
13. *Grau C.* Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Wasiliy N. Tatischev (1686–1750), Berlin, 1963.
14. *Иванов В. В.* Статьи и очерки в тольяттинских газетах «Волжский автостроитель», «Вольный город», «Городские ведомости», «Площадь свободы».